

ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО СИНТАКСИСУ
РУССКОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО
ЯЗЫКА

СБОРНИК СТАТЕЙ

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	3
В. П. Сухотин. Из материалов по синтаксической синонимике в русском языке	5
Н. С. Поспелов. О различиях в структуре сложноподчиненного предложения	48
Е. А. Иванчикова. Соотносительное употребление форм будущего времени глагола в составе частей бессоюзного сложного предложения	78
Е. Т. Черкасова. К вопросу об образовании отглагольных предлогов	131
Р. П. Рогожникова. К вопросу о структуре условного предложения	177
А. В. Бельский. Интонация как средство детерминирования и предсказания в русском литературном языке	188

Исследования по синтаксису современного русского литературного языка

Утверждено к печати Институтом языкознания Академии наук СССР

*

Редактор издательства *Т. В. Вентцель*. Технический редактор *Г. А. Астафьева*.
Корректор *Р. Ф. Астафьева*

РИСО АН СССР № 17—95Б. Сдано в набор 2/II-1956 г. Подп. в печать 13/IV 1956 г. Формат бум. 70×108^{1/16}.
Печ. л. 12,5—17,12. Уч.-издат. лист. 17,0. Т-02653 Тираж 10 000. Изд. № 1478. Твл. зак. 121

Цена 11 р. 20 к.

Издательство Академии наук СССР, Москва, Подсосенский пер., д. 21

2 я типография Издательства АН СССР, Москва, Шубинский пер., д. 10.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО СИНТАКСИСУ
РУССКОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО
ЯЗЫКА

СБОРНИК СТАТЕЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва — 1956

Ответственный редактор
В. П. СУХОТИН

ОТ РЕДАКЦИИ

Предлагаемые вниманию читателей статьи по синтаксису современного русского литературного языка (кроме статьи покойного А. В. Бельского) представляют собою некоторые результаты исследовательской работы, осуществляемой научными сотрудниками Института языкознания АН СССР.

Несмотря на заметное тематическое разнообразие, все статьи сборника характеризуются единством общих принципов подхода к материалу и в известной степени отражают состояние нашей грамматической науки в области синтаксиса.

Многие проблемы синтаксиса русского языка, в том числе проблемы синтаксической синонимии, структуры сложного предложения, интонации, остаются, как известно, пока еще мало разработанными. Естественно поэтому, что не все утверждения и выводы авторов статей, печатаемых в настоящем сборнике, являются бесспорными. Вместе с тем несомненно, что поднятые здесь вопросы, как и представленные материалы, послужат стимулом для дальнейших углубленных изысканий.

В. П. СУХОТИН

ИЗ МАТЕРИАЛОВ ПО СИНТАКСИЧЕСКОЙ СИНОНИМИКЕ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Одним из наименее изученных разделов науки о языке является синонимика как лексико-фразеологическая, так и, особенно, грамматическая. Несмотря на кажущуюся незначительность этой темы, разработка ее имеет очень большое теоретическое и практическое значение.

Общеизвестно, что язык находится в состоянии почти непрерывного развития, при этом пути и способы изменения различных сторон языка (лексического состава, фонетики, морфологии, синтаксиса) неодинаковы. В частности, изменения в грамматической структуре языка отражают успехи человеческого мышления в установлении связей и отношений между предметами и явлениями. Возникновение, отмирание, всеобщая связь явлений действительности, их пространственно-временная соотнесенность и причинная обусловленность — все это проявляется не только в употреблении слов, но и в синтаксических построениях. Виды и способы сочетания слов в предложении, самые типы предложений и более сложные синтаксические единства неодинаковы как в разных языках, так и в одном и том же языке в различные периоды его истории. Они изменяются и совершенствуются в связи с возрастающими и усложняющимися потребностями общения, в связи с конкретной историей народа — носителя данного языка.

Так, необходимость обозначения разнообразных, в том числе и вновь познаваемых отношений между предметами и явлениями, дифференциация и обобщение явлений приводят к развитию отвлеченных и вспомогательно-связочных элементов, к увеличению предлогов и предложных сочетаний, к усложнению структуры словосочетаний и предложений, к образованию новых лексико-грамматических категорий слов (частей речи) и пр. Все это подвергается новым обобщениям, поскольку «наиболее всеобщие абстракции возникают только в условиях богатого конкретного развития, где одно и то же свойство обще многим или всем элементам»¹. Таким образом, возникают условия для новых дифференцирующих и обобщающих процессов.

История отдельных языков показывает, что их выразительные ресурсы с течением времени пополняются новыми материалами. При этом возникает множество близких или сходных по значению слов, параллельных форм и грамматических дублетов. Так, время действия в русском языке может быть выражено употреблением наречия (Я приду вечером), сочетания существительного с предлогом (Я приду с наступлением вечера), придаточного предложения (Я приду, когда настанет вечер).

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XII, ч. 1-я, стр. 194.

Легко заметить, что во всех трех примерах подчеркнутые слова и сочетания слов выражают однородные явления. Однако с каждым из этих элементов предложения связан своеобразный смысловой оттенок, что и дает возможность говорящему выразить свою мысль с наибольшей полнотой и определенностью.

Семантические параллелизмы и функционально близкие, но неодинаковые слова и синтаксические конструкции представляют собой созданный в течение ряда эпох ценнейший арсенал выразительных средств общенародного языка и образуют базу как для лексико-фразеологической, так и для грамматической синонимии.

К сожалению, в наших немногочисленных лексикологических исследованиях изменения в словарном составе языка обычно рассматриваются изолированно, в отрыве от тех процессов, которые происходят в связи с этими изменениями в грамматике. Между тем факты показывают, что развитие лексики прямо или опосредствованно отражается и на грамматическом строе языка. «Надо всячески подчеркнуть..., что язык представляет собою такое тесное единство, такое сложное сцепление всех составляющих его частей, что всякое рассечение его на те или другие отделы является искусственным и не может быть проведено до конца последовательно. Изучение грамматического строя языка в полном отрыве от лексической его стороны, без учета взаимодействия грамматических и лексических значений невозможно»¹. Всякое лексическое новообразование или старое слово с разившимся в нем переносным или переносно-отвлеченным значением получает возможность вступать в соединение с другими словами; в связи с этим изменяются типы словосочетаний, расширяются их функции, устанавливаются новые синтаксические отношения, что, в свою очередь, отражается на семантическом облике и функциях сочетающихся слов.

Глагол *делать* — *сделать*, выражавший в прошлом значение конкретного действия, построения или созидания (*делать кирпичи, сделать стол*), по мере развития в русском языке отвлеченных имен существительных с предметным обозначением действий, состояний, явлений, вступает в соединение с этими существительными и становится компонентом конструкций, означающих процесс в его длительности, совершении и результате: *делать выбор, сделать движение, улыбку* и пр. В связи с этим возникают такие синонимические соответствия, как *делать выбор* — *производить выбор* — *выбирать* и т. п. В то же время изменяются значение и синтаксические функции глагола *делать* — *сделать*. Наряду с конкретным значением «делания» — созидания (вещей или предметов), в нем развиваются отвлеченные значения совершения процесса вообще; данный глагол становится как бы вспомогательным глаголом, означающим «производить действие, определяемое существительным, совершать, исполнять — что-нибудь»².

Аналогичные явления можно обнаружить в употреблении глаголов *дать* — *давать*, *взять* — *брать*, *начать* — *начинать*, *быть*, *стать*, *кончить* — *кончать*, *вести* — *провести*, *добиться* — *добиваться* и многих других.

Некоторые из этих глаголов (*быть*, *стать*) превратились в глагольные связки, другие, как, например, *начать*, *кончить*, *перестать*, если и не являются связками в точном смысле этого термина, то проявляют явную тенденцию к такому превращению.

Наличие синтаксических конструкций, близких по своему значению к отдельному слову или выражающих смысл той или иной грамматической

¹ «Грамматика русского языка», т. I. М., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 14.

² Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова, т. I, М., 1935, стр. 678

категории (время, наклонение, вид, падеж), отмечалось и раньше некоторыми русскими и зарубежными лингвистами.

И. А. Бодуэн де-Куртенэ, Н. В. Крушевский, В. А. Богородицкий связывали эти процессы с возникновением нового качества грамматической системы в целом, с постепенным переходом грамматического строя русского языка от синтетизма к аналитизму. По мнению В. А. Богородицкого, развитие аналитического строя в русском языке доказывается образованием большого количества фразеологизмов — «переходом целого выражения как бы в одно слово определенной формы, где смысл отдельных частей уже ступшевляется (род опрощения)»¹.

Касаясь развития предложных сочетаний и степеней сравнения в русском языке, Н. В. Крушевский утверждал, что на такие сочетания, как *о волке, самый лучший* и т. п., «следует смотреть как на формы, переходные от настоящих «синтетических» (ср. древнерусск. *кѣкъкъ*) к «аналитическим» (ср. болг. *добръ, по-добръ, най-добръ*; франц. *grand, plus grand, le plus grand* и пр.)»².

С таким односторонним толкованием грамматических процессов русского языка нельзя согласиться.

Развитие аналитических конструкций в русском языке (предлоги, времена глагола, видовые, модальные значения, степени сравнения) отнюдь не предполагает наличия тенденции к полному исчезновению словоизменительных и словообразовательных аффиксов. Наоборот, многие словообразовательные процессы, происходящие в русском языке (употребление суффиксов, приставок и пр.), говорят об исключительной устойчивости, жизненной необходимости ряда категорий синтетического выражения тех или иных значений (ср. развитие существительных с суффиксами *-ость, -ист, -ение, -ие*, приставочных глаголов и т. п.). Даже в языках с определенной «аналитической структурой», как, например, современный болгарский язык, исследователи отмечают не только преобладание и устойчивость синтетических форм, но и элементы развития «нового синтеза», не говоря уже о фактах сочетания аналитических и синтетических способов выражения³. Таким образом, обилие и употребительность словообразовательных и словоизменительных аффиксов в русском языке свидетельствуют не о «бедности», не об «отсталости» его структуры, а, наоборот, о его богатой структурно-семантической оснащенности. «Словопроизводство в русском языке, — писал Н. Г. Чернышевский, — подобно словоизменению, отличается сравнительно с тою же стороною других новейших европейских языков, гораздо большим разнообразием.

Можно даже сказать, что русский язык (подобно некоторым другим славянским наречиям) развил в себе много таких способов произведения слов, которые остались мало развитыми в греческом и латинском языках, по богатству словопроизводственных способов стоящих несравненно выше новых европейских языков»⁴.

¹ В. А. Богородицкий. Очерки по языкознанию и русскому языку. Изд. 3-е, Казань, 1910, стр. 16.

² Н. В. Крушевский. Очерк науки о языке. Казань, 1883, стр. 112—114.

³ См. Ю. С. Маслов. О морфологических средствах современного болгарского языка. «Вопросы грамматического строя и словарного состава языка», I, Изд. Ленинградского гос. ун-та, Л., 1952, стр. 190—193.

⁴ Н. Г. Чернышевский. О словопроизводстве в русском языке. Полное собр. соч., т. II, 1949, стр. 816. Также примечательна, правда, несколько преувеличенная характеристика синтетических форм русского языка, которую мы находим у К. С. Аксакова: «В русском языке видим мы высочайшую изменяемость в слове; оно все движется, живет; один корень, как вечный дух слова, остается пребывающим, а все вокруг него,

Можно соглашаться и не соглашаться с Н. Г. Чернышевским в оценке словообразовательных средств русского языка. Тем не менее его указание на жизненную силу элементов синтетизма русской речи примечательно и справедливо.

* * *

Являясь одним из источников обогащения языка выразительными средствами, синонимика представляет особый интерес для разработки проблем, связанных с борьбой за культуру речи, с изучением языка и стиля художественной литературы и публичных выступлений, с задачами построения стилистики.

«Борьба за культуру речи — это борьба за правильность употребления слов, форм, конструкций там, где язык, развиваясь и обогащаясь, дает возможность выбора и отбора»¹.

В наши дни, когда русским языком с огромным воодушевлением овладевают многочисленные народы Советского Союза и стран народной демократии, потребность в издании соответствующих работ является особенно осязаемой².

В связи с этим изучение лексико-фразеологической и грамматической синонимики приобретает не только теоретическое, но и большое практическое значение. Общеизвестна острая потребность как в хороших толковых словарях, так и в словарях синонимов русского языка, что облегчило бы говорящим и пишущим доступ к неисчислимым богатствам выразительных средств русской речи. Но составление и издание синонимических словарей — это только половина дела. Не меньшее значение имеет подготовка таких исследований, которые были бы посвящены изучению грамматических синонимов русского языка, поскольку именно синтаксические параллелизмы и соответствия, тесно связанные с лексикой и морфологией, и представляют ценнейшие материалы для разработки вопросов стилистики³.

К сожалению, ни полноценных синонимических словарей, ни специальных обобщающих изданий по проблемам грамматической синонимики мы назвать не можем.

Значительный интерес представляют появившиеся за последние годы исследования по частным вопросам синтаксической синонимики, среди которых немало диссертационных работ⁴; краткие сведения о синонимах

и с начала и с конца, движется и изменяется... Шесть падежей заменяют толпу предлогов, ослабляющих выражение; усеченное окончание прилагательного заменяет глагол есть; одна и та же фраза может быть переставлена несколько раз, и всякий раз ее значение будет получать новый оттенок. Итак, отсутствие члена, и потом эта изменчивость в окончании и в начале слова, эти падежи, эта свобода и многообразные оттенки в конструкции, следовательно, эта жизнь во всем, в каждой букве, отличающая русский язык от других европейских» (К. С. Аксаков. О русской грамматике вообще. Соч. филологические, ч. I, стр. 12).

¹ «Вопросы языкознания», 1952, № 1, стр. 29 (разрядка моя.— В. С.).

² Ср. об этом: Х. М. Сайкиев. К вопросу о синтаксической синонимике в современном русском языке. «Ученые записки Казахского гос. ун-та», т. XIV, вып. I. Алма-Ата, 1952.

³ Ср. рецензию В. В. Виноградова на книгу А. Н. Гвоздева «Очерки по стилистике русского языка» («Вопросы языкознания», 1952, № 6, стр. 143).

⁴ См. Г. И. Рихтер. Синтаксическая синонимика в современном русском литературном языке (стилистические наблюдения). «Русский язык в школе», 1937, № 3, стр. 14—33; В. В. Данилов. Обособленные причастия. «Русский язык в школе», 1935, № 4; М. К. Милых. Вопросы грамматической стилистики. К синонимике частей речи. «Русское языковедение», вып. I. Ростов-на-Дону, 1945, стр. 31—96; Х. М. Сайкиев. К вопросу о синтаксической синонимике в современном русском литературном

приводятся в общих трудах по языкознанию и русскому языку. Сведения эти полезны и существенны, но ни четких определений, ни системы, ни полноты в описании синтаксических синонимов в русском языке они, к сожалению, не содержат.

Проф. А. М. Пешковский в статье «Принципы и приемы стилистического анализа художественной прозы»¹, признавая важность изучения синтаксической синонимии, ограничился составлением перечня синтаксических синонимов, «предоставляя читателю самому вдуматься во внутренние различия, когда в том встретится надобность»². Перечень этот, несмотря на значительное количество приведенных в нем примеров, не охватывает ряда распространенных в русском языке синонимических соответствий (сочетания с инфинитивом и с глагольными существительными, деепричастные обороты и придаточные предложения и пр.). С другой стороны, в ряде случаев приводятся соответствия (ср. *старик — старый человек; он не пришел по болезни — он заболел и не пришел*), которые выходят за пределы синтаксической синонимии. Подход автора к установлению синтаксических синонимов лишен внутреннего единства, в ряде случаев сопоставляются несинтаксические категории, много говорится о семантике сочетающихся слов, о «психических результатах» и пр. Нельзя не согласиться с мнением А. М. Пешковского о роли различных видов словорасположения. Однако отношение изменений порядка слов к грамматической синонимике Пешковским не доказано; да и вообще критерий в установлении именно синтаксических синонимов остался у него невыясненным.

Р. И. Рихтер считает синтаксическими синонимами целые предложения, причем имеет в виду сходство их содержания («смысловые уравнения»). Однако наряду с предложениями он приводит и параллельные словосочетания (с притяжательным прилагательным и родительным, глагол и отглагольные существительные, личные и безличные конструкции), хотя и не касается наиболее распространенных образований.

Проф. Л. А. Булаховский в своем «Курсе русского литературного языка»³ пытается наметить факторы отбора и употребления синтаксических конструкций из того или иного синонимического ряда. К числу этих факторов он относит: 1) стремление к точности выражения мысли, 2) собственно стилистические задачи и 3) различия, связанные с особенностями устной и письменной речи.

Некоторые его наблюдения и замечания представляют значительный интерес для разработки синтаксической синонимии в русском языке, в особенности синонимии в широком смысле этого термина, имея в виду такие соответствия и параллелизмы, которые возникают в специфических

языке. «Ученые записки Казахского гос. ун-та», т. XIV, вып. I; И. И. Ковтунова. О синтаксической синонимике. Сб. «Вопросы культуры речи», вып. I. М., Изд-во АН СССР, 1955. См. авторефераты кандидатских диссертаций: Е. А. Назикова. Выражение причинных отношений в современном русском литературном языке. Л., 1952; Е. И. Франчук. Употребление обособленных причастных оборотов и определительных придаточных предложений в современном русском языке. М., 1952; Н. М. Меделеев. Определительные придаточные предложения и причастные обороты как синтаксические синонимы. Л., 1953; А. А. Кока. Беспредложные и предложные падежные конструкции с временным значением в современном русском литературном языке. М., 1952; М. М. Михайлов. Сложные предложения с временными придаточными в современном русском языке. М., 1952.

¹ Сб. «Ars Poetica». М., 1927, стр. 57 и сл.

² Там же.

³ Л. А. Булаховский. Курс русского литературного языка. Изд. 5-е, Киев, 1952, стр. 402 и сл.

условиях общения. При выборе тех или иных сочетаний очень важно, по мнению Л. А. Булаховского, учитывать различия устной и письменной речи, а также разнообразные стили высказывания (научно-деловой стиль, стиль художественной литературы и пр.). Указав на то, что письменная речь в целом отличается от устной большей степенью синтаксической обработанности, наличием заимствований, богатством форм, Л. А. Булаховский в то же время отмечает, что «язык ораторский зачастую бывает значительно ближе по своим установкам (?) к письменному (книжному) языку, чем к собственно устному — разговорному». Очень неполным и неразработанным приходится считать раздел, посвященный отбору синтаксических конструкций на основании второго, «собственно стилистического» фактора. Примеры здесь случайны и недостаточны, толкования расплывчаты и неопределенны. Особое внимание уделяется почему-то сочетаниям с условным союзом *если бы* и без него и приложениям; далее говорится об эллиптических и плеонастических выражениях и делаются некоторые другие частные замечания.

Значительный фактический материал содержится в упомянутой выше статье М. К. Милых. Не давая определения синтаксических синонимов, М. К. Милых рассматривает «смысловые соотношения близких по значению, но принадлежащих к различным грамматическим категориям и частям речи слов и синтаксические конструкции, сходные по своей семантике». Основное внимание автор уделяет предложным и беспредложным конструкциям, выражающим пространственные, временные, причинные и другие отношения. К сожалению, известная неполнота, элементы смешения грамматических и неграмматических явлений, отсутствие общетеоретических выводов и обобщений не позволяют считать работу М. К. Милых законченным исследованием по синтаксической синонимике русского языка.

Значительно большее место синтаксической синонимике отводится в книге проф. А. Н. Гвоздева «Очерки по стилистике русского языка»¹. В обширном разделе, посвященном синтаксису, А. Н. Гвоздев говорит об особенностях употребления словосочетаний, простых и сложных предложений, периодов, прямой и косвенной речи. Во вступительной части к данному разделу (§§ 245—249) автор справедливо указывает на большую роль синтаксиса в построении стилистики. Это объясняется, по его мнению, главным образом, тем, что «русский язык располагает огромным запасом синтаксических синонимов...»². И с этим нельзя не согласиться. Под синтаксическими синонимами автор понимает «параллельные обороты речи, которые различаются только тонкими оттенками в значениях и поэтому во многих случаях могут заменять один другой»³. Это в целом верное определение, к сожалению, страдает явной неполнотой и не вскрывает специфики грамматических, в частности, синтаксических синонимов.

Не ясно, прежде всего, что он понимает автор под термином «обороты речи»: имеются ли в виду «свободные» сочетания слов, или сюда же относятся и фразеологизмы, отдельные слова, части сложного предложения и пр.?

Что касается «параллелизма» и взаимозаменяемости, то эти признаки присущи и лексическим синонимам; таким образом, специфические особенности синтаксической синонимии не отмечаются. А. Н. Гвоздев, как и многие другие авторы, не раскрывает термина «оттенки».

¹ А. Н. Гвоздев. Очерки по стилистике русского языка. М., 1952

² Там же, стр. 175.

³ Там же.

Как в приведенной нами формулировке, так и в последующем изложении автор не говорит ни о параллелизме отношений, ни о конструкциях, синонимичных отдельным словам и грамматическим (морфологическим) категориям, ни об особенностях синонимики словосочетаний и предложений.

А. Н. Гвоздев справедливо указывает на то, что употребление тех или иных сочетаний во многом зависит от стилей речи. Он говорит о специфических особенностях синтаксиса научной и деловой речи, об элементах «литературно-обработанного» синтаксиса, наконец, о синтаксисе разговорной речи.

С рядом его замечаний и утверждений нельзя не согласиться. Обилие сложных предложений, разнообразие союзов, вводные слова, отглагольные существительные, сложные предлоги, употребительность приименного родительного — все это действительно обнаруживается в языке многих научных произведений. Да и не только научных. Как показывают исследования, монологические отрезки художественной прозы часто насыщены сложными предложениями, причастными и деепричастными оборотами, конструкциями с приименным родительным и пр. Так, в «Тамани» М. Ю. Лермонтова из 147 предложений монолога только 47 предложений являются простыми, что составляет 33% по отношению ко всем предложениям монолога¹. В зависимости от содержания и характера текста в произведениях художественной литературы могут быть весьма распространены сочетания с отвлеченными существительными (о чем см. ниже), с приименным родительным и т. п.². Эти, правда, немногие элементы синтаксического строя, которые отметил А. Н. Гвоздев, разумеется, широко используются в научной и деловой речи. Тем не менее, как показывают факты, они встречаются и в художественной литературе, да и в устной речи, если иметь в виду доклад, лекцию и другие официальные выступления.

Бросается в глаза неполнота выделяемых синтаксических явлений. Это в особенности относится к сфере словосочетаний, из которых берутся только сочетания с отглагольными существительными и приименным родительным. Следует отметить, что при характеристике синтаксических особенностей других стилей употребление и этих немногих сочетаний не прослеживается.

Стиль художественной литературы, по мнению А. Н. Гвоздева, характеризуется «литературно-обработанным синтаксисом». Определение это явно неудачно, поскольку и научная речь, и публицистика, и устные выступления, как правило, литературно обработаны. В числе особенностей данного стиля автор называет «заботу» о равновесии и «симметрии разных синтаксических единиц» (главным образом, в стихотворных произведениях). Далее он говорит об анафоре (единоначатие), эпифоре (концовка), композиционном стыке, антитезе, риторических вопросах и о некоторых других категориях традиционной поэтики. Перечисленные приемы иллюстрируются характерными примерами из произведений Пушкина, Тютчева, Маяковского, Симонова, Эренбурга.

И тем не менее все эти явления в большей своей части не соотносительны и не сопоставимы с теми категориями, которые рассматривались применительно к научному, или «интеллектуальному», сти-

¹ Ср. В. П. Сухотин. Значение предложений в «Тамани» М. Ю. Лермонтова. «Сборник научных трудов Пятигорского пединститута», вып. 2. Пятигорск, 1948, стр. 216.

² Ср. В. П. Сухотин. Проблема словосочетания в современном русском языке. Сб. «Вопросы синтаксиса современного русского языка». М., 1950, стр. 170 и сл.

лю. Ни забота о «равновесии», ни анафоры, ни всякого рода эпифоры, стыки и т. п. не дают представления о структуре и функциях синтаксических конструкций (сочетания слов, предложения), типичных для стиля художественной литературы; это именно некоторые приемы организации целого текста (сложное целое, абзац), что может иметь место и в научной речи, и в устных выступлениях. При этом данные приемы не являются широко распространенными; они используются некоторыми писателями и поэтами лишь в определенных случаях. Сам автор указывает на то, что злоупотребление этими приемами может «создать впечатление стилизованной, манерной речи, в которой форма не подчинена содержанию, а выдвинута в ущерб содержанию на первый план».

Переход автора от собственно синтаксических наблюдений к характеристике редко используемых стилистических приемов лишил его возможности оперировать синтаксическими синонимами, как одним из наиболее важных источников построения стилистики. Более того: неодинаковый подход к выявлению особенностей грамматической структуры научной, художественной и разговорной речи (отсутствие единых критериев в их разграничении) не позволил автору дать четкую и последовательную характеристику выделяемых стилей речи. Ведь и анафора, и антитеза, и риторический вопрос встречаются не только в произведениях художественной литературы. В то же время те синтаксические категории, которые были отмечены автором в научно-деловой речи (сложные предложения, причастные и деепричастные конструкции, сочетания с отвлеченными словами), как уже отмечалось, используются и писателями, и поэтами, и ораторами.

Характерные черты подмечены А. Н. Гвоздевым в синтаксисе разговорной речи. Обилие неполных предложений, «ступенчатая» структура предложения (добавления), вопросы, обращенные к самому говорящему, элементы контаминации структурных элементов предложения и другие явления «на ходу» формируемой, часто неупорядоченной речи, — все это довольно распространенные и типичные признаки именно разговорного синтаксиса, выявляемого прежде всего в сфере диалога, частных писем и пр. Некоторые из сделанных А. Н. Гвоздевым наблюдений представляют интерес и ценность именно в аспекте синтаксической синонимии (полные и неполные предложения, способы связи частей сложного предложения и пр.). Тем не менее и в данном случае проявляется неполнота синтаксической характеристики текста, отсутствие единого подхода к описанию выделяемых явлений, приписывание разговорному стилю таких «особенностей», которые обнаруживаются и в других стилях. Так, например, известная «неполнота грамматической оформленности предложений», употребление идиом, междометий, «несогласованного именительного падежа» и пр. присущи и другим стилям; кроме того, распространенность данных явлений в разных видах разговорной речи требует проверки и уточнения.

* Немало полезных наблюдений и замечаний стилистического характера содержится в других разделах «Синтаксиса» (синонимика выражения сказуемого, действительный и страдательный обороты, обособления), хотя и в данном случае проявляется смешение аспектов характеристики (включение элементов нормативной грамматики), а также недостаточность анализа синонимических оттенков¹.

Многие существенные наблюдения и замечания в области синонимических явлений содержатся в обобщающих трудах по русскому языку

¹ Ср. рецензию В. В. Виноградова в журн. «Вопросы языкознания», 1952, № 6, стр. 136—143.

акад. А. А. Шахматова, акад. В. В. Виноградова, проф. А. М. Пешковского, проф. М. Н. Петерсона и других, а также в специальных статьях и исследованиях.

В частности, особый интерес представляет примечательная, но не бесспорная статья И. И. Ковтуновой «О синтаксической синонимике»¹.

И. И. Ковтунова полагает, что проблему грамматической синонимии необходимо ввести «в строгие грамматические рамки или же отказаться от нее совсем». Грамматическим значением она считает «тип отношений, имеющих специальный грамматический показатель для своего выражения». Таким образом, получается, что существуют и такие грамматические значения, которые грамматически не выражаются.

«Каждый тип связи отражается во всей сложности и многообразии, выражаясь в многообразии грамматических форм. Таким образом (?) создаются синтаксические синонимы», которые различаются «оттенками грамматического значения».

Оттенок грамматического значения, по мнению И. И. Ковтуновой, не зависит исключительно от значения грамматического показателя (предлога, союза и т. д.), но «определяется общим характером (?) сочетания (одним из вариантов сочетания) взаимосвязанных и взаимообусловленных структурных элементов данной синтаксической единицы». Таким образом, требование «строгих грамматических рамок» практически автором не осуществляется. Более того, «объектом изучения, — замечает И. И. Ковтунова, — не может быть грамматическое значение само по себе в отрыве от тех элементов, которые связаны определенным типом отношений...».

Столь же противоречивым является утверждение автора о том, что синтаксическими синонимами могут быть будто бы только конструкции, «представляющие полный грамматический параллелизм». И следующие за этим утверждением оговорки, и анализ значений сложноподчиненных предложений с разнобразными причинными союзами свидетельствуют о том, что в центре внимания исследователя находятся сочетания, не представляющие полного грамматического параллелизма.

* * *

Изучение тех или иных явлений языка со всей необходимостью требует хотя бы предварительного определения объекта исследования, его сущности и объема.

Под синтаксическими синонимами мы понимаем такие различающиеся по структуре свободные соединения слов (словосочетания), а также предложения, их части и более сложные синтаксические образования данного языка в данную эпоху его развития, которые выражают однородные отношения и связи явлений реальной действительности.

Однородность выражаемых отношений доказывается, как правило, возможностью взаимозамен без ущерба для смыслового и грамматического значения сопоставляемых синтаксических конструкций.

Самое понятие синонима предполагает не одинаковые, а именно разнотипные образования, т. е. такие синтаксические конструкции, которые, обозначая однородные или однопорядковые отношения, различаются прежде всего средствами или показателями грамматической связи между словами (формы слов, предлоги, союзы).

¹ Сб. «Вопросы культуры речи», вып. 1. М., Изд-во АН СССР, 1955.

При этом далеко не все сходные по значению элементы конструкции, несмотря на их внешнее материально-лексическое подобие, могут рассматриваться как синонимы в буквальном смысле этого термина. Так, словосочетания типа *устал от ходьбы* и *усталый от ходьбы* не образуют синонимического ряда ввиду различий лексико-морфологической природы стержневого элемента, определяющего тип словосочетания. Признавая целесообразным изучение такого рода соответствий, мы все же не относим эти словосочетания к синтаксическим синонимам; их явная структурно-семантическая неоднородность отражает неодинаковую сущность и характер «реалий» и, соответственно, отношений между ними, что проявляется, между прочим, и в невозможности взаимозамен.

Наоборот, такие разноструктурные же сочетания, как *усталый от ходьбы* и *утомленный ходьбой*, нельзя не признать синонимичными, поскольку ими выражаются однородные или однопорядковые причинно-следственные отношения; к тому же их одноразрядные стержневые элементы (*усталый, утомленный*), определяющие основу словосочетания, совпадают по всем своим ведущим структурно-семантическим признакам. В связи с этим приходится признать, что синонимия тех или иных синтаксических конструкций предполагает синонимию, или структурно-семантическое подобие образующих эти конструкции слов, что в особенности относится к стержневым элементам. Именно эти внутренние соответствия компонентов в сопоставляемых сочетаниях определяют возможности их взаимозамен.

Что касается одноструктурных образований (ср. *читать рассказ — читать роман*), то, несмотря на их материально-грамматическую близость, считать их синтаксическими синонимами нет оснований, поскольку их различия (*рассказ — роман*) имеют не грамматический, а лексический характер и, следовательно, не имеют прямого отношения к синтаксису.

Из этого, однако, не следует, что одноструктурные образования, будучи синтаксическими тождествами, вообще не должны и не могут рассматриваться в аспекте синтаксической синонимии. Поскольку лексические различия часто связаны с сочетаемостью входящих в конструкцию слов, некоторые виды одноструктурных образований подлежат изучению и в плане синтаксической синонимии, о чем ниже.

Таким образом, в отличие от лексико-фразеологических синонимов синтаксические синонимы имеют отношение не к обозначениям предметов, действий, признаков самих по себе, а к существующим в действительности и отраженным в общественном сознании и в языке данного народа связям этих явлений, к их расчлененным обозначениям; синтаксические синонимы выражают также различные отношения высказывания к этим явлениям и понятиям (модальность).

Близость или сходство разноструктурных синонимических единств неодинаковы как по степени, так и по характеру присущих им оттенков. В непредикативных словосочетаниях, представляющих собой расчлененное обозначение предметов, действий и их признаков, выявляются различия в указаниях: на качество (*умный человек — человек большого ума*), принадлежность предмета (*отцовская шапка — шапка отца*), на возникновение, прекращение, объект и условия протекания действия (*начал работать — начал работу; сидел у окна — сидел около окна*), на характер признака и т. п. В сфере предикативных сочетаний, являющихся структурно-семантической основой предложения, синонимические связи обнаруживаются в способах сообщения о явлениях действительности (*было холодно — был холод; наступил рассвет — стало рассветать*). При

этом особый характер имеют разнообразные соотношения непредикативных и предикативных образований (*умный человек — человек умный; строят дворец — дворец строится; начали читать — чтение началось* и др.).

* * *

Появление новых слов, развитие многозначности и отвлеченных значений, выделение признаков, а также соотношения и взаимодействия предметов и явлений реальной действительности — все это приводит к обобщениям, к возникновению новых типов сочетаемости слов, новых синтаксических образований; исторически складываются условия для их противопоставлений, сходства и соответствий, в том числе и синонимических.

На непрерывное и живое взаимодействие и взаимосвязь разных типов словосочетаний указывает в одной из своих последних работ акад. В. В. Виноградов: «В общественной практике пользования языком как средством общения это взаимодействие, естественно, охватывает как грамматическую сторону, так и лексический состав и семантику словосочетаний (ср. хотя бы контаминацию словосочетаний *играть роль* и *иметь значение*)»¹. В числе разнообразных направлений этого взаимодействия он отмечает и синонимические соответствия, иллюстрируя их большим количеством разнотипных сочетаний: *голубоглазый ребенок — ребенок с голубыми глазами; мирная политика — политика мира; железная крыша — крыша из железа; безумно любить — любить до безумия; бесцельно слоняться — слоняться без цели* и многие другие.

Имея в виду современный русский литературный язык, нельзя не отметить хотя бы следующие наиболее общие функционально-семантические сферы, которые характеризуют его синтаксический строй:

1. Субъектно-объектные отношения.
2. Действие (явление) в его отношении к возникновению, прекращению, протеканию.
3. Определительные отношения (качественно-количественные характеристики).
4. Пространственные отношения.
5. Временные отношения.
6. Отношения причины и следствия.
7. Целевые отношения.
8. Модальность (в синтаксическом аспекте).

Все это является результатом наиболее высокой степени обобщения функций тех синтаксических конструкций современного русского языка, которые выражают разнообразные отношения и связи явлений реальной действительности, а также отношение к ним высказывания.

Каждая из этих категорий представляет собой широкую область, где функционируют самые разнообразные виды синтаксических конструкций в их соотношении и взаимодействии. При этом отчетливо выступает обширная группа синтаксических параллелизмов, в составе которых и выделяются собственно синтаксические синонимы.

Таким образом, далеко не все синтаксические конструкции, относящиеся к той или иной из перечисленных выше сфер, являются синонимичными. Так, к группе сочетаний, выражающих пространственные отношения, принадлежит большое количество разнообразных единств, дале-

¹ В. В. Виноградов. Вопросы изучения словосочетаний. «Вопросы языкознания», 1954, № 3, стр. 22—23.